

Варя Кононова, весна и лето 2022 года

В госпитале Варя написала рапорт об отставке.

Полковник Петренко вышел из комы раньше ее и приступил к службе. Он, словно заботливый папочка, раз в неделю навещал Варю. В один из визитов она и подсунула ему рапорт. Он спросил:

— Долго думала?

— Долго.

— Данилов знает?

— А он тут при чем вообще?

— Чем дальше по жизни заниматься думаешь?

— Найду чем.

Она злилась на полковника и почти не скрывала этого.

Она не могла его простить.

Притом что всегда его любила.

Любовью платонической, почти дочерней.

Но тем горше обида.

Хотя расставаться с Петренко было грустно. Чтобы жалость не проникла в сердце, она мысленно распалила себя: «Главное в нем то, что он — чекист. А значит, профессиональный провокатор. Он долго и умело скрывал свою личину — под маской заботливого, любящего начальника. Чуть не доброго дядюшки. А во время последнего задания расчех-

лился. Врал нам с Даниловым напрапалу. Шантажировал нас. Давил. И все для того, чтобы мы выполнили боевую задачу. Ему ничего не важно, ни наши чувства, ни наши жизни, — лишь бы мы осуществили операцию. Да, целью ее были счастье и благополучие страны. И он мечтал избавить нас от нынешнего неблагоприятного *сегодня*. Но зачем ради успеха дела врать? Обманывать самых близких людей (как полковник не раз утверждал): меня, Данилова? Неужели мы не пошли бы за ним без этого вранья?»

Петренко сидел рядом с ее койкой на стуле, поглядывал исподлобья. Чувствовал переменившееся Варино отношение. Потом оставил на тумбочке три апельсина, по-старомодному принесенные в дипломате, вздохнул, бережно уложил в кейс листочек с рапортом и вышел из палаты.

Мобильный телефон или планшет ей до сих пор выдавали всего на час, под расписку, для связи с близкими — и никакого Интернета. Поэтому спустя три дня она позвонила полковнику по городскому, с поста старшей медсестры. Петренко буднично проговорил: «Рапорт твой подписали».

На следующей день Варю перевели в общий корпус, в двухместную палату, — проходить диспансеризацию, обязательную перед увольнением.

А однажды Петренко явился в госпиталь с огромным букетом цветом. Договорился, видимо, с начальником, и для них двоих открыли конференц-зал. Варя спросила зачем — полковник отшутился, а тем временем сноровисто достал из портфеля бутылку наилучшей водки, два граненых стакана (!) и нарезку

колбасы. Накрыл с мужицкой грубой грацией полированный стол для заседаний.

А потом зачитал два секретных приказа.

Первым из них капитану Кононовой Варваре Игоревне за проявленные мужество и героизм при выполнении особого задания присваивалось внеочередное звание майора. А во втором — она награждалась орденом Мужества.

Варя не могла сдержать слез.

А потом, когда они с полковником обмыли орден в стакане с водкой, Варя разнюнилась:

— Да разве я достойна таких наград!

— Варя, — строго сказал ей Петренко, — отставить слезы! Тебя ведь взаправду убивали тогда — в июле пятьдесят девятого, в даниловском «москвичонке», под городом Калининым. Ты заслужила.

Прошел месяц

Варю выписали в конце июня.

Она приехала к себе домой на Новослободскую на такси. Замок с трудом открылся — закоснел, заржавел за три года неиспользования.

В квартире оказалось полно пыли. Перед отбытием в прошлое она здесь прибралась. Но все равно что-то недосмотрела. Бросила, уезжая, недочитанную книжку у кровати. Не вымыла утреннюю чашку кофе — спешила! Не прибрала пижамку, кинутую на кресло. Все побурело от времени, на пальце, чего ни коснись, оставался лохматый след.

На потолке в кухне появились протечки — видать, кто-то из соседей их залил. На подоконнике остались

следы высохшей лужицы — ветер с дождем некогда пробили оконное уплотнение, оставили свой отпечаток — пластиковые окна они с Даниловым поставить не удосужились.

Варя распахнула окно. Пусть не по-летнему холодно — но пускай скорей выдует из квартиры застоившуюся затхлость. Бросилась в комнаты: раскрывать плотные гардины, растворять фрамуги.

И вдруг — звонок в дверь. Да не простой, а троекратный! Такой родной, привычный! Свой! Она бросилась к входной двери, не стала ни в глазок смотреть, ни переспрашивать кто — шелкнула замком, увидела на пороге Алексея и бросилась к нему в объятия. Покрыла поцелуями бесконечно родное лицо. Он приподнял ее, внес внутрь.

— Тише, Лешенька, тише, не геройствуй! Тебя после комы выписали!

Потом в постели она шептала ему:

— Небось привык ко мне молоденькой? Двадцатилетней?

— А ты? Помнишь в моей роли того юнца? Ответственного работника ЦК партии на красном «Москвиче»?¹

— Боже! Я так рада, что мы вернулись! Я на это и не надеялась!

— И я очень рад видеть и чувствовать тебя прежнюю. Я так скучал по тебе, — с чувством проговорил

¹ Об этом подробнее можно прочитать в предыдущих книгах Анны и Сергея Литвиновых из цикла «Агент секретной службы» — «Успеть изменить до рассвета» и «Завтра может не быть».

он. — И знаешь что? Я тут понял одну вещь. И уверился в ней. Нам с тобой надо...

— ...срочно убраться в квартире? — лукаво закончила за него Варя.

— Нет. Хотя и это тоже... Но главное — нам надо пожениться.

* * *

Варя сладко потянулась.

Впервые за двадцать лет никуда не надо спешить утром.

Не думать мучительно, засыпая, о рабочих проблемах.

Не вздрагивать среди ночи от внезапных звонков — ведь по уставу службы она не должна была выключать свой служебный телефон НИКОГДА.

Жить спокойной, размеренной жизнью гражданского человека. В свои сорок (с небольшим хвостиком) получать неплохую (в сравнении со штатскими) военную пенсию.

Да-да, ей слегка за сорок.

Секретные агенты выходят на пенсию рано. Как балерины.

«Мамочка моя и до этого возраста не дожила. А я так и не выяснила, почему она погибла. Кто или *что* ее погубило. И не отомстила за нее. За нее и за отца.

Значит, то, чем я занималась двадцать лет, пошло прахом? Я не добилась главного? Или мне еще повезет? Теперь, лишившись повседневных обязанностей

и рутины, я смогу выйти на след тех, кто погубил родителей?»

Варя всегда знала: ту стародавнюю тему не бросит, не оставит.

Она будет искать, бороться и биться.

Чтобы понять и НЕ простить.

Понять, кто погубил папу и маму. И воздать им по заслугам.

Девушка вылезла из кровати. Было странно, что Данилов уходит на работу раньше ее. Во времена, что они жили вместе, он обыкновенно нежился в кровати, когда она тряслась в метро или мчалась на машине в штаб-квартиру *комиссии* на окраине столицы. Теперь он по утрам тихонько варил себе кофе и уезжал, покуда она спала.

Можно ли считать, что Данилов сделал ей предложение? Или *ляпнул* в порыве чувств после страстной любви и разлуки?

Больше он ее замуж не звал. Возможно, готовился сделать предложение в официальной обстановке, как положено: на коленях и с кольцом? Или думает замять его? Но это дудки: Варя гордиться не станет, сама напомним.

Теперь последний формальный барьер, мешающий их браку, пал. Она больше не сотрудник *комиссии*.

Комиссии, у которой Данилов находился в разработке и которая, как ни странно, некогда познакомила их: ее, двадцатидвухлетнего лейтенанта, и его — экстрасенса, испуганного вдруг проявившимся у него необыкновенным даром.

То, что они последние несколько лет жили вместе, распорядком службы строго запрещалось. Но Петренко на непорядок смотрел сквозь пальцы. И если его дергал по этому поводу глава комиссии Козел Винторогий Марголин (а он наверняка дергал), полковник Варвару перед начальником отстаивал.

Но теперь Варя — больше *не их*. Она — ничья. Может распоряжаться своими чувствами как заблагорассудится.

«Значит, я выйду за Данилова».

Варя накинула халатик и пошлепала на кухню.

В квартире они навели порядок сами, не доверяя никому. Вдвоем, переодевшись в старье и вооружившись арсеналом губок, тряпок, швабр и моющих средств, которые накупили в гипермаркете, мыли, драили и проветривали три дня напролет.

Теперь на кухне царил чистота. А Алеша открылся ей с новой стороны: чистюля и аккуратист.

Наверное, он и раньше таким был — да только за ежедневным верчением на службе, когда то и дело приходилось *спасать мир*, она не замечала этого. А теперь могла посвятить себя Данилову целиком.

Варя сварила кофе.

«А еще у меня появилась возможность и время выполнить *предназначение каждого живого организма*. Фу, звучит ужасно. Канцелярщина, как в *комиссии* отчет пишешь. Проще говоря, я ведь и родить теперь могу».

При мысли, что маленькое существо в какой-то момент поселится прямо в ней, под сердцем, а потом

явится на свет и будет рядом: смешно чмокать, потягиваться и пускать пузыри, а потом расти, умнеть и хорошеть, — при одной этой мысли на душе становилось тепло и радостно.

«Малыш продолжит историю фамилии. И я оставлю в будущем ребенке частичку себя. И погибших мамы с папой. И бабушек. И Данилова...»

С Даниловым, конечно, сложно. И боязно. Вдруг сын или дочка станет *таким, как он?*

Алеша, конечно, прекрасен: умный, тонкий, красивый, интеллигентный. Но вдруг ребенок унаследует его талант? Или (как он сам всерьез считает) *изъян?*

Вдруг дети тоже станут экстрасенсами? Смогут читать мысли? Прорицать будущее? Ведь это тяжелейший груз (Леша правильно говорит!): быть не таким, как все.

Люди со сверхталантом и необычным, искристым даром — они всегда (ей ли ни знать по роду службы!) становятся мишенями. К ним приковано самое пристальное внимание, притом далеко не благосклонное. Им требуются огромные силы, чтобы управлять своим талантом и смирять его.

А потом, получится ли? Не потому, что возраст. Теперь наука далеко продвинулась. Одно ЭКО чего стоит. Но было ведь в ее жизни такое — о чем никто не знает, даже Данилов. (А вот Петренко ведает!) То, что, может, навсегда перечеркнуло ее способность завести потомство.

Не только в сугубо физиологическом, медицинском смысле, но и выше — в ментальном, духовном.

И как оно всё будет? Получится ли забеременеть?

Они всегда с Алешей предохранялись. Но случилось: раз, или два, или три любили друг дружку *без защиты*. Не очень точно просчитанные критические дни. Забытые в спешке таблетки. Не купленный вовремя презерватив.

И — ничего. Пока ничего.

Значит, она теперь, после того случая, *не может*?

Конечно, сейчас любая болезнь лечится. Есть ЭКО, суррогатное материнство...

Но как проверить, способна или нет? А главное — имеет ли право после всего, что было?

Во всяком случае, рассказать Данилову ту историю она не готова.

Несмотря на все, что они вместе пережили. Да и сможет ли когда-нибудь ему открыться? Надо ли?

Имеется, конечно, искушение, как в омут головой, взять и *попробовать*. А там, глядишь, судьба сама вырвет. Но лучше — для начала подумать, все взвесить.

Пока, если честно, ей и без наследников хорошо. Кофе по утрам с конфеткой, блаженное ничегонеделанье.

«В конце концов, у меня есть время и силы, чтобы построить новую, теперь цивилизованную и совершенно несекретную карьеру. До нормальной, не военной пенсии, почти двадцать лет».

За те два десятилетия, что она служила в КОМКОНе, Варя сделала о-го-го сколько. Столицу спасла от разрушения. И (без ложной скромности!) дважды — весь мир. В третий раз спасти его не удалось.

Теперь можно выбрать себе задачи скромнее. Сколотить нормальный бизнес. Или хотя бы денегат под-

нять. Потому что служба в *комиссии* была скорее *служением*.

В КОМКОНе большинство пахали за идею. Получали негусто. Палат каменных с тех доходов точно не наживешь.

А у них с Даниловым — дыра на прорехе. Осталась от ее родителей развалюха по Горьковскому направлению, в которую они лет пять не заглядывали. И эта старая родительская квартира на Новослободской давно ремонта требует.

Вот, значит, сколько у нее возможных направлений. Бизнес — раз. Материнство — два. Мечь за родителей — три.

Да ведь современные женщины разные свои стези легко соединяют! И действуют *по всем трем направлениям*: работа, потомство и семейные проблемы.

Но этим Варя займется завтра.

А пока отдыхала.

Наслаждалась покоем.

Вспоминала былое.

И свои битвы. Собственную войну, о которой она, согласно подписке, никому не могла рассказать.

Пожизненно.

Двадцать один год назад

Когда Варя вспоминала те деньки, они ей представлялись почему-то солнечными и безоблачными. Хотя и тучи тогда наверняка налетали, и метели. И дожди шли. Но, может, солнце в ту пору светило — если сравнивать с нынешними временами, когда сплошной мрак кругом? А может, она просто была совсем

молодой? Потому и жизнь представлялась солнечной, ясной да погожей?

Последний курс ВМК, зима, февраль. Бабушка жива, а у Вари последние месяцы студенческой вольности — впереди защита, распределение.

Деньжат тогда не хватало, поэтому визит в кафе был праздником. Даже кофейком полакомиться с пирожным, не говоря о том, чтоб поесть или коктейль выпить.

Да и подходящих кафе в столице немного, чтобы без штанов не остаться и удовольствие получить.

В то заведение они собрались с Верой Погодиной днем: выпить малость, поесть и поболтать. Заранее наметили, сговорились. Потом, когда встретились, оказалось, что Верунчик укладочку по такому случаю соорудила — будто на свидание собралась.

Как оно называлось, то местечко? Его давно не существует. В самом центре находилось, в районе Патриков, — сейчас там сплошь модные заведения. А двадцать лет назад встречались разные: и дорожные, и шалманы низкопробные, и средние по качеству. То кафе было из подходящих для студенток: недорого, вкусно и не отравят.

На Малой Бронной оно стояло, на углу со Спиридоньевским переулком. С тех пор на Патриарших все заведения сменились, да не по одному разу.

Название у кафе было стремным. Интерьер тоже не чета нынешним, над которыми модные дизайнеры работают: твердые неудобные седалища, простые струганные столы. Зато мясо готовили божественно. И коктейли бармен смешивал — будь здоров.

Вера неподалеку жила и заранее заглянула, столик заказала. Как он звался, тот ресторанчик? Какое-то странное название... Не слишком аппетитное... Может, из-за неправильного именованя они в итоге и разорились...

Точно, называлось местечко «Тривия». «Тривия», подумать только! Что бы это значило? Почти как «травильня»... Или «трава», «требуха»... Тогда Варя не озаботилась, а теперь и не спросишь, почему такое наименование.

Кононова (нынче, в июне двадцать второго) от нечего делать загрузила в интернет-поиске: «Тривия». И нашелся ответ. Подумать только, второе имя римской Дианы.

Тривия — божество охоты, ночи, подземного царства.

А она и не знала.

Ладно, ничего постыдного. Она ведь не гуманитарий, как Данилов, а твердый и уверенный математик.

Другой вопрос, куда кафе делось, бесполезно задавать. И что стало с тем красавчиком-барменом, который все на Варю поглядывал, но подойти так и не решился, и с тем официантом, который...

Да, подавальщик принес горячее, расставил перед ними тарелки, пожелал приятного аппетита, а потом вдруг, р-раз, протянул Кононовой конверт. И проговорил таинственно: «Вам просили передать...»

Грешным делом, она подумала, что послание от красавчика-бармена, но что за странный способ знакомства: записочкой, словно они семиклассники!

Письмо? Бумажное? Серьезно? Кононова оглянулась на стойку — но парень глазами ее не ел, а, напротив, отвернулся и копался со своими бутылками.

— Что за послание? — хихикнула Верунчик (в них уже плескалось по коктейлю). — От кого письмо? Любовное признание? Открывай, посмотрим!

Но что-то Варе подсказало: показывать письмо Вере не следует. Она сунула депешу в сумочку и переспросила у подруги о *ее* любовных делах: разговор о личном — самый верный способ переключить внимание собеседника.

Но пакет осмотрела, конечно. Стандартный конверт, старого образца, советских времен: не длинный, как на Западе (и как стали к началу двадцать первого века использовать у нас), а почти квадратный. Адреса нет, марки тоже. Заклеен.

«Бред какой-то, — подумалось, помнится, ей. — Двадцать первое столетие на дворе. Какие могут быть *бумажные* письма?! Все электронные посылают! Или эсэмэски».

Любопытство стало сжигать изнутри — но распечатывать конверт в присутствии Верки Кононова не торопилась. Когда покончили с горячим (и со вторым коктейлем), сказала: «Извини, Верунчик, с желудком неполадок, я в туалет...»

Только в тесной и неудобной кабинке раскрыла депешу. Получилось неаккуратно, клоками, но что поделаешь.

В конверте оказался сложенный вчетверо листок. А на нем — как в детективном, блин, старом фильме — наклеены слова и буквы, вырезанные из газеты! Но

содержание такое, что Варю бросило одновременно в жар и в холод.

«Я знаю, почему ОНИ погибли. Приходи завтра в 23.00 в церковь в Вешняках».

Слово «ОНИ» вырезано из заголовка, поэтому раза в три больше остального текста.

Совершенно понятно, что оно здесь — главное. *Они погибли.*

Кто подразумевается под словом «они»? О чьей смерти она думала тогда, несмотря на то что минуло почти десять лет? Разумеется, это означало — мамочка с папочкой, которые разбились в конце лета 1993 года на машине и с гибелью которых Варя до сих пор не могла примириться. Все время думала: хотя дело давно закрыто, все совсем не так просто с их смертью.

Может, письмо чья-то злая и глупая шутка? Но кому понадобилось столь пошло, мерзко, оскорбительно шутить? Или это странное совпадение, ошибка? Письмо предназначалось не ей, а какому-нибудь бандитскому авторитету? Попало к ней случайно?

Варя вышла из туалета в растерянной задумчивости. Или задумчивой растерянности. Но и тогда при всякой *непонятке* (как выражались в те времена) она предпочитала не *рефлексировать* (как изъяснялась ее интеллигентная бабушка) или *сопли жевать* (как говорили гораздо менее воспитанные сокурсники).

Действие в ее характере традиционно опережало *размышление*. (За что впоследствии Петренко неоднократно Кононову корил-порицал.)

Вот и сейчас она не планировала и не загадывала, что будет делать. Но тут как раз из кухни выбежал давешний официант. Попытался проскользнуть боком мимо нее.

В закутке у туалета их из зала видно не было, и Варя, неожиданно для себя, тормознула подавальщика.

— А ну, стой!

Тот покорно повиновался. Они оказались лицом к лицу — притом Варя, сто семьдесят восемь сантиметров плюс каблуки, смотрела на худенького парнишку-официанта если не сверху вниз, то по меньшей мере вровень. И возрастом он тоже был ей впору: двадцать с небольшим, максимум двадцать пять. А уж ручки ее и плечи (кандидат в мастера по академической гребле!) смотрелись внушительней, чем у субтильного полового.

— Ты мне сейчас письмецо в конверте всучил.

— Ну.

— Откуда оно у тебя?

— Просили передать.

— Кто?

— Один мужик. Заходил незадолго до вас.

— Что за мужик? Ты его знаешь?

— Нет. Первый раз видел.

— Какой из себя?

— Мужчина и мужчина, — дернул плечиком официантом.

— Ты давай толком рассказывай, — ласково молвила девушка, а сама как бы невзначай погладила парня по щеке. Но потом опустила руку ниже, к худенькой шейке, и чуть-чуть ее, вроде бы друже-

ски, прижала. — Сколько лет мужику? Из каких краев родом на вид? Какой акцент? Что собой представляет? Бандит, мент, работяга, интеллигент?

Мимо них в направлении удобств проследовали две фифы, сидевшие за соседним столиком. Увидели картинку: мощная дева зажимает в угол официанта — фыркнули, хихикнули, скрылись в сортире.

— Рассказывай давай толком! — поторопила Кононова.

— Ну мужик такой, лет тридцати, может, тридцати пяти. Чуть ниже меня. — Подавальщик нервно хихикнул. — И тебя, значит. Шибздик. Но одет цивильно. Пальто, костюм, галстук. Говорит правильно, без акцента. Интеллигент, похоже. Не бандит, точно.

— Может, мент?

— Может, и мент. Но в штатском.

— И что он сказал?

— Попросил передать письмо.

— Письмо... А кому? Как он объяснил? Как ты понял, что послание мне предназначается? Он фамилию мою сказал?

— Сегодня, говорит, зайдет к вам такая девушка. Ну, и тебя описал.

— Описал? Как?

Парнишка слегка покраснел.

— Большая такая, говорит, мощная молодая девушка. С большой грудью. — Краска сделалась гуще. — Студентка. Лет двадцати. С подругой.

— А если б тут другая мощная оказалась?

— Он мне фамилию вашу назвал.

— И какая у меня фамилия?

— Кононова.

— Правильно. Но ты у меня ее не спросил.

— Да я вас опознал, поэтому не сомневался.

— И ты вот так невзначай согласился мне письмо передать? А если там споры сибирской язвы?

Тогда, двадцать лет назад, это было чрезвычайно горячей темой. Террористы в Америке их по почте журналистам и политикам рассылали.

— Не похож он был ни на какого террориста... Скорее...

— Что?

— Вот правильно, на мента смахивал. Взгляд у него был такой... острый.

— Вот, — удовлетворенно вздохнула Варвара, — теперь ты, парень, наконец вырулил на путь признательных показаний. И деятельного сотрудничества со следствием.

— А вы что, тоже из органов?

— Как тебе сказать...

Тут из «комнаты отдыха» выползли давешние фифы, снова обстреляли Варю с подавальщиком усмешливыми взглядами и скрылись в зале.

— Одно не могу понять... — протянула Кононова. — Зачем ты письмо взял от мужика? Мало ли что в нем? Шантаж, угрозы. Запросто ведь загреметь можешь за соучастие.

— А там что на самом деле?

— Вот не твоего ума дело. В прокуратуре теперь отвечать будешь.

— Ты серьезно?

Немного жалко его стало, и Варя махнула рукой:

— Ладно, живи. Но я все равно удивляюсь, почему ты так покорно письмо вызвался передавать.

— Он мне денег дал. Двести рублей.

Двадцать один год назад это выглядело изрядной суммой — как сейчас две тысячи, наверное.

— Тогда это все меняет, — усмехнулась Варя. И добавила: — Давай кофе нам принеси. И счет.

Когда вернулась к столику, в запале от разговора с половым, на нерве, напустилась на подругу:

— Кому ты говорила, что мы сегодня здесь с тобой встречаемся?

От напористого тона Верочка вздрогнула и губки поджала:

— Никому. А что?

Варвара поняла, что перегнула палку и примири-тельно протянула:

— Да видишь, какое-то мне странное послание передали. А кто знал, что мы с тобой именно сюда собираемся?

— А что в письме-то?

— Ой, долго рассказывать. Очень, очень личное. Но не про любовь.

— Но я никому не говорила. Мама только знала.

— Да, и у меня бабушка.

— И еще в ресторане. Я ведь столик заказывала.

— И говорила им, что именно со мной придешь?

— Нет, конечно.

— В том-то и дело.

А тут и официант явился, с кофе и счетом.

В итоге мирные девичьи посиделки оказались под-порченными.

Варя неотступно думала, кому и зачем потребовалось ворошить былое.

Она не могла не признаться себе: прошлое, затянувшееся было тиной забвения, оказалось разбередить чрезвычайно просто. Она снова принялась лить слезы по маме с папой, вспоминать их последние дни, думать, случайна ли гибель.

И, разумеется, назавтра в ночь отправилась, куда ее зазывал неизвестный: к церкви Успения Богородицы в Вешняках.

Два десятилетия назад Варя ездила на «шестерке». Конечно, далеко не иномарка. Но откуда у двадцатилетней студентки деньги на заморский автомобиль!

А на советский подержанный автопром сама зарабатывала, в стройотряде прошлым летом. И водить выучилась и экзамены в ГАИ сдала.

Бабушка вздыхала-кручинилась, а потом ключи от отцовского пустующего гаража дала, где раньше его «Волга» стояла. Ту отцовскую «Волгу» в аварии насмерть покалечили, и она в семью не вернулась, отправилась в металлолом.

Бабуля не раз заводила речь: дескать, давай бокс продадим — «новые русские» хорошие деньги обещают. Центр все-таки. Но Варя сопротивлялась изо всех сил: нет, и все тут. И вот пригодился.

На каких только машинах с тех пор не разъезжала Варвара! И билась на «десятке» с подпорченными тормозами на Михайловском перевале, и по Манхэттену рассекала на арендованной «японке», и по невадской пустыне гоняла на «Крайслере». А все равно ту «шестерочку», словно первую любовь, забыть не

могла. Очень капризная, своенравная машинка была, но по-своему верная. Самая любимая.

Назавтра в десять вечера Варя вывела «Жигули» цвета беж из гаража.

*Алексей Данилов.
Наши дни (лето 2022)*

После нескольких лет искусственной комы к своему собственному телу Данилову пришлось долго привыкать.

Десятки дней массажей, физиотерапии, рефлексотерапии. Лечебная физкультура. Акупунктура. Занятия с психотерапевтом.

Но самой большой наградой в новом теле оказалось восстановление прежних сверхспособностей.

С непривычки это ошеломляло.

«Вау, я, оказывается, умею читать мысли! Мне подвластно внушение. Я могу влиять на людей, не применяя слова, невидимой силой собственной личности».

С одной стороны, это было восхитительно. С другой — совсем непривычно. И думалось об огромной ответственности, которую незримо возлагала на него Судьба или Бог вместе с даром. В дополнение к нему. Так сказать, в нагрузку.

Обычно он никогда не применял сверхспособности для того, чтобы добиваться личных целей. А тут удержаться не мог: внушал и лечащему врачу, и завотделением, и начальнику госпиталя, что его надобно выписать как можно скорей.

Его и отправили домой — одновременно с Варварой. Хотя не должны были так скоро. Все-таки он

в коме провел на полгода дольше, чем она. Наверное, сказался его мысленный посыл, адресованный больничному начальству: «Выпишите меня скорей!»

И какой прекрасной оказалась их первая после огромного перерыва встреча с Варей: своей, родной, любимой, привычной.

Оказавшись в прошлом, в чужом теле, он никогда не думал, что сможет когда-нибудь со своей возлюбленной снова увидеться. Но потом случилось первое чудо, и она последовала в 1958 год вслед за ним.

Но и тогда он был уверен, что не суждено им вернуться в свое время, в собственные тела. И вот произошло второе чудо: они возвратились.

Следовало отдаваться прежней жизни, как ни трудно. Искать хлеб насущный. Возвращаться к работе.

Алексей позвонил помощнику Сименсу, и тот восстановил часы и дни приема.

Данилова слишком долго не было в Москве. Его слава за эти годы потускнела. Имя позабылось.

Да и столько всего произошло! Кто-то из бывших клиентов уехал. Кто-то скончался. А иные нашли себе новых помощников, советчиков и кумиров.

Но все равно клиентура понемногу восстанавливалась. Рост шел чуть не каждый день. Пациентов становилось все больше и больше.

Хорошо объяснимо: наступили смутные времена. Как никогда люди нуждались в понимании, утешении, совете. Хоть кого-нибудь: врача, священнослужителя, экстрасенса.

Многих, кто приходил к нему в полном раздрае, Алексей просил дозволения просканировать. А когда получал разрешение и видел, что творится у пациента в душе, мысленно хватался за голову. Внутри большинства царила ужасная каша, тяжелая мешанина. И непонимание того, что происходит, неверие в то, что творится.

Уврачевать это было страшно тяжело. Данилов видел только один возможный путь: с помощью правды. Но ужас заключался в том, что она выглядела настолько шокирующей, что ни реципиенты, ни даже его собственный мозг не хотели ее воспринимать. И принимать.

Поэтому приходилось идти во врачевании очень бережно, нежно отлепляя, фигурально выражаясь, пластыри, которые люди сами себе накладывали на обожженные души, менять их на новые, профессиональные повязки, по капле восстанавливать их веру в себя и надежду на будущее. Он ясно видел: горькая, тяжелая, но — ПРАВДА восхитительным образом действовала на людей, когда они внутренне соглашались ее принять. Они распрямлялись, становились ясней и тверже, а все их соматические боли, на которые жаловались, вдруг чудесным образом испарялись.

Варя.

Двадцать один год назад

Тогда возле Успенской церкви в Вешняках не построили еще шумящую днем и ночью автотрассу — северо-восточную хорду. Было здесь тихо и покойно. А в одиннадцать вечера и подавно.

Варя, ориентируясь по карте — никаких навигаторов тогда и близко не существовало, — свернула к храму с улицы Красный Казанец и припарковалась, не доезжая до входа метров тридцать.

Здание, где отправляли культ, в ту пору никак не подсвечивалось, и оно каменной громадой белело за ночной оградой.

Варя достала из бардачка фонарик — он всегда был при ней в «шестерке», на всякий случай.

Глухо, тихо, ни одного человека вокруг.

Как и положено старинной церкви, при ней имелось кладбище.

За прозрачной металлической решеткой, увенчанной пиками, темнели кресты и надгробья.

Вход на территорию оказался заперт. Калитка закрыта. Изнутри висел замок. Створки связаны цепью.

Чего и следовало ожидать. И никого поблизости. Ни единого человека. Лишь издалека долетает шорох шин — редкие машины несутся по путепроводу над железной дорогой рязанского направления, вырывают на улицу Юности. Где-то вдалеке раздался свисток электрички.

Нервы вдруг напряглись до предела. Да полно, что может случиться? Подъедет машина? Подойдет человек? Кто-то выйдет из церкви? А может, это ловушка? Ее сейчас схватят, похитят, умертвят, разберут на органы?

Все может быть — в пустынном месте на окраине, в двух шагах от Кусковского парка.

Варя включила фонарик, осветила туда, сюда. Луч выхватил заледенелую дорожку, кучи убранного снега. Скользнул за ограду церкви. И вдруг...

Среди могил блеснуло что-то странное. Варя навела луч, пригляделась.

За оградой, неподалеку от нее, близ первого ряда могил на снегу лежал удивительный предмет.

Там чернела моделька автомобиля.

Один в один та самая новая «Волга», которая была у отца. В которой они с мамой разбились.

Игрушечная модель, что валялась на снегу у могилы, тоже оказалась сплющена, измята, изломана. *Так же, как машина родителей.*

Это не могло быть совпадением.

Недолго думая Варя подошла к ограде и руками в перчатках схватилась за железные рейки. Подтянулась, забросила ногу на верхнюю железную планку.

Она дружила со спортом. Была чемпионкой Москвы и кандидатом в мастера по академической гребле. Даже при ее росте под сто восемьдесят и весе чуть за семьдесят перелезть через забор в человеческий рост труда не составило. Девушка легко спрыгнула в снег — туда, где начиналась территория церкви, на кладбище.

Она подошла к раскуроченной, скособоченной модели машины.

Оказалось, что игрушка лежит не на снегу или на земле. Под ней — жестяная коробка из-под иностранного печенья. Коробка перетянута полоской скотча там, где открывается крышка.

И вдруг — со стороны церкви свистки, яркий свет фонаря. Крик: «А ну, стой на месте!»

Варвара моментально перекинула на противоположную сторону ограды и коробку, и изуродованную

копию «Волги». Затем сама подтянулась на руках и стала перебрасывать тело через пики церковной решетки. Сзади она видела колеблющийся свет и слышала тяжелые шаги бегущего человека.

Она задела рукавом пику ограды. Затрещала раздираемая ткань куртки. Варя свалилась по другую сторону от решетки. Быстро подхватила коробку, израненную копию «Волги» и кинулась к своей машине.

Преследователь подбежал к внутренней стороне ограды. Луч его фонаря нашел убегающую фигуру девушки. «Стой! — прокричал человек. — Я вызываю милицию!»

Останавливаться Варвара не стала. Открыла свою «шестерочку», забросила на пассажирское сиденье коробку и раскученную модель, завела движок и резко газанула.

Где-то в тишине ночного города запела милицейская сирена. «Успокойся, это не за мной», — шепнула себе девушка. Но все равно помчалась подальше от церковной ограды.

«Интересно, запомнил ли сторож номер машины? А даже если и так, что он докажет? И какое я, спрашивается, преступление совершила? Перелезла через ограду кладбища? Смешно!»

Ею овладела эйфория. На высокой скорости она пронеслась по улице Юности, вдоль Кусковского парка. Навстречу ей и вправду попала милицейская машина с включенной сиреной и проблесковыми маячками. Сердце упало, но авто правоохранителей не стало останавливаться и тормозить ее «шестерку» — просквозило мимо.

Миновав путепровод через другую железку, курского направления, Варя свернула под мост и тормознула на парковке у заправки. Там было светло, то и дело подъезжали машины, шоферы выходили, вставляли раздаточные пистолеты в баки, шли к стекляшке платить. Было совсем не страшно.

Из набора инструментов в багажнике Варя достала перочинный нож. Покойный отец говаривал — он воспитывал свою единственную дочку как мальчишку: «Перочинный нож никогда не помешает. Иногда может даже спасти». А когда она переспрашивала: «От чего?», папаня лукаво улыбался: «Например, от жажды. Открыть при случае бутылку лимонада».

Теперь благодаря ножичку Кононова разрешила скотч и распаковала коробку.

В ней оказались две фотографии. Точнее, ксерокопии фото, напечатанные на стандартных листах писчей бумаги формата А4.

На одном — фото отца. На другом — матери.

Обе фотки выглядели словно официальные. Лица родителей строгие, безулыбчивые. Наверное, взяты откуда-то из документов. Например, из личного дела.

Папа — в парадной форме, но в полковничьей, не генеральской. Строго смотрит в объектив. Молодой, красивый, ни единого седого волоса. Университетский значок-«поплавок», несколько медалей. Наверное, конец восьмидесятых или начало девяностых. Папе лет сорок пять.

И мамочка — совсем юная, но столь же официальная. Деловой костюм джерси, белая блузка. Строго смотрит в объектив.

Очень похоже, что оба фото откуда-то из отдела кадров. Варя ни тот ни другой снимок никогда раньше не видела.

«Со мной кто-то играет. Он знает, что случилось с моими родителями».

Кроме двух фотографий, больше в коробке из-под печенья ничего не оказалось.

Она перевернула оба листа.

На одном — папином — оказалось что-то написано, мелко, еле заметным карандашиком. Варя включила лампочку под потолком машины. И в самом деле ряд цифр.

010.215.180.0615

Тринадцать цифр на одном лишь папином фото — и все. На мамином — никаких пометок.

Кононова уложила оба листка обратно в коробку, закрыла ее и не спеша поехала к себе домой — в квартиру на Краснопролетарской, где ждала ее бабушка.

Ехала и думала: что это могло значить? Ведь это, наверное, шифр? Значит, человек, который подсунул ей письмо с вырезанными из газеты строчками, продолжает с ней играть?

Бабушка, конечно, не спала — ждала непутевую внучку, которая усвистала на ночь глядя на машине.

Коробку с фото Варя домой не потащила, оставила в авто в гараже. Нечего бабушку пугать да расстраивать. Как-нибудь сама, без ее участия, разберется.

Она успокоила бабулю — зашла в комнату, пожелала спокойной ночи. Бабушка лежала в кровати в белой ночной сорочке, под одеялом, и по давней привычке гладила себя ладонями по лбу и щекам —

массировала от ненужных морщин. Девушка поцеловала ее, на минуту прижалась. От бабушки пахло ночным кремом.

На кухне Варя заварила себе чаю, положила три ложки сахара. Глюкоза должна помочь умственной деятельности — с весом тогда, двадцать лет назад, она еще не боролась.

Пошла в свою комнату, села за компьютер. Чего-чего, а простору в генеральской квартире на Краснопролетарской улице хватало. С шести лет, как они сюда переехали, у Вари имелась собственная комната и личный письменный стол.

А на первом курсе бабушка ей комп подарила. Как потом выяснилось, продала свои фамильные бриллианты и приобрела новейший «пентиум»: «Как ты будешь своей высшей кибернетике учиться без персональной вычислительной машины!»

Почему-то в тот момент Варя не сомневалась, что сумеет шифр разгадать. Случайно, что ли, ей читали курсы криптографии и криптологии!

Прежде всего Варя забила все тринадцать цифр с точками в интернетовский поисковик.

«По вашему запросу ничего не найдено», — меланхолично отвечала машина.

Может, номер телефона? Это обычно семь цифр, по-новому, с префиксом, десять. А тут их тринадцать, несчастливое число. Но вдруг первые три цифры — код страны?

А может быть, это номер кредитной карточки?

Тогда никаких кредиток у Вари не имелось, да и ни у кого в ее окружении. Но все-таки она знала: на

карте — шестнадцать цифр. Или, в крайнем случае, двенадцать.

А здесь — тринадцать.

И все-таки: номер телефона? Вместе с кодом страны? Варя разделила цифры, если б то был телефон. Получилось:

010.215.180.0615

Значит, код страны — 010? Или, допустим, 10?

Варя нашла в Сети программу, которая определяла по номеру, откуда родом тот или иной номер. Записывала ряд цифр так и эдак: и с кодом страны «010», и просто «10», и вовсе отбрасывала первые три. Все равно программа выдавала «Ошибка, номер не найден».

Буквы из вчерашнего письма оказались вырезаны из газеты и наклеены на листочек — очень олдскульно! И этот шифр тоже должен оказаться древним.

А что, если цифрами подменили буквы? Какая по счету цифра — такая и буква по порядку в алфавите.

Варя по-новому разбила числа:

01.02.15.18.00.6.15.

Немного смущали два нуля посередине, но ладно, попробуем. Получалось: 01 — это А, 02 — Б, 15 — Н...

В итоге вышло: АБНРЕН.

Абракадабра какая-то. Полный абнрен.

Может, наоборот прочесть? Тоже ерунда получается: НЕРНБА.

Звучит как название речки где-нибудь в Карелии. Или в Абхазии.

На всякий случай проверила по поисковику и «абнрен», и «нернба» — ничего не нашлось.

Зато сразу вспомнились байдарочные походы: на Большой Зеленчук, на Катунь. Интересно, в этом году получится?

«Не отвлекайся!» — одернула саму себя.

Попробовала заменить цифру на букву под соответствующим порядковым номером, но в английском алфавите. Вышло ABORFO

Явно нет в языке Шекспира подобного слова!

Варя на всякий случай забила словечко в поисковик — и надо же, нашлось совпадение! Если продолжить ABORFO, то отыскалось «Abog Formation», или, как всезнайка Википедия немедленно подсказала, формация, состоящая из базальта и вулканических пород и находящаяся в районе Сьянг в Индии.

Ну и что ей делать с этим знанием? Поехать туда и рыть шурфы в поисках золота? Ха-ха-ха.

Может, наоборот прочитать?

OFROVA

Тоже ерунда получается.

Полная «офроба». И «абнрен».

Кононова залпом допила остывший чай.

Нужно придумать что-то еще.

Ясно, что полного, внятного сообщения в этих цифрах содержаться не может — слишком маленький объем информации. Только новая подсказка, намек, куда ей двигаться дальше.

Может, это координаты места, где спрятана следующая записка, уводящая к очередной подсказке?

Но если зашифрованы координаты, тогда разбивать цифры следует иначе.

010,2151; 80,06157

Первая группа чисел — широта, вторая — долгота.

В Интернете и программа нашлась соответствующая: поиск по карте точных мест исходя из географических координат. Варя забила в поисковик: 10.2151 северной широты, 80.06157 восточной долготы — наше полушарие.

И, удивительно, снова ее почти в Индию унесло! Точнее, в Индийский океан, чуть севернее Цейлона.

И что теперь? Поехать туда и нырять? Нет, полная чушь получается.

Тут взор ее упал на предыдущую разбивку, где она группировала цифры по две.

Начинался тот ряд чисел с шести: 01.02.15.

Боже! Да это ведь завтрашнее число! Только записанное наоборот!

01 — текущий год, две тысячи первый.

02 — месяц, февраль.

15 — завтрашнее число, то есть уже сегодняшнее, ведь третий час ночи.

Значит, и дальше понятно. Раз сначала написан год, затем месяц, а после дата, то следом должно идти — время!

Вот и оно! 1800 — совершенно точно, часы и минуты. Восемнадцать ноль-ноль!

«Значит, мне назначают встречу? Но где?»

В самом конце значилось: 615. Но что может быть под номером «615»?

«Ну конечно! Это аудитория! В нашем корпусе есть шестьсот пятнадцатая! И как раз без пяти шесть, в 17.55, кончается пятая пара, очень легко и просто, где б ты в корпусе ни был, дойти на шестой этаж

в шестьсот пятнадцатую и оказаться там ровно в предписанные восемнадцать ноль-ноль!»

Варя вся вспыхнула.

«Значит, это шутит какой-то идиот из универа? Решил так затейливо мне свидание назначить?! Мерзавец! Ну я ему покажу! Я ему устрою!»

Но потом подумалось: «А откуда тогда взялись мамино и папино официальное фото? Даже у меня их нет! Да как вообще кто-то в вузе может знать о родителях? Я никому про них не рассказывала, тем более в подробностях! Пару раз сухо обмолвилась, и то самым близким, когда выспрашивали: погибли, и все. А про разбитую машину вообще никто не знает, ни Верка, ни кто-либо иной! Что тогда значит этот шифр и загадка?»

Варя легла спать, но сон долго не шел. Ворочалась с боку на бок, думала, правильно ли она разгадала шифр и что вся эта игра значит. В одном не сомневалась: назавтра в шестьсот пятнадцатую аудиторию к шести часам вечера точно пойдет.

* * *

Сейчас Варя человека, который ждал ее тогда в шестьсот пятнадцатой аудитории, узнала б из тысячи. Да что там! Из миллиона.

Это был не кто иной, как Петренко. Тот самый, с кем съеден с тех пор не один пуд соли. Пережито множество приключений и радостных побед. Но и огорчений, проигрышей тоже случилось немало.

И обижал он ее неоднократно. А она его подводила.

Тогда, в феврале две тысячи первого, он ей показался совсем взрослым, хотя было ему в ту пору немногим за тридцать. Но ей-то, ей — недавно минуло двадцать!

Последний курс ВМК. Распределение.

И вот в шестьсот пятнадцатой аудитории стоит мужчина, слегка опершись на угол парты — красивый, с тонкими чертами лица, одетый в гражданское, в костюмчике с водолазкой. Росту в нем примерно как в ней, но это потому, что Кононова без каблуков, надела кроссовки, ведь вечером тренировка — ОФП в спортклубе. Стоило ей впоследствии явиться на службу на каблуках, Петренко сразу становился на полголовы ниже.

Мужик тогда назвал ее по имени и предложил поговорить.

— Какого черта вообще?! — возмутилась она.

Варя была реально возмущена.

— Что за игры?! Я вам девочка, что ли, ночью по кладбищам ездить? И ваши шифры разгадывать?!

А мужик делает лицо кирпичом и, когда она выдыхается, молвит, не обращая никакого внимания на ее гневные инвективы:

— Я здесь, Варвара Игоревна, для того, чтобы предложить вам работу мечты.

— А откуда вы знаете, какая у меня мечта?

— Оттуда — от такого предложения никто не отказывается. Но ведь и не каждому подобное предлагают, ох, далеко не каждому! — Сделав паузу, он добавил внушительно, чуть не по слогам: — А вот мы вам — да.

— «Мы» — это кто?

Хоть и старше ее был незнакомец, чувствовала себя с ним Кононова тогда совершенно раскованно — это она хорошо помнила даже через двадцать с лишним лет.

Проигнорировав ее вопрос, Петренко поинтересовался:

— Вы американский сериал «Секретные материалы» смотрели?

— «Икс-файл»? Про агентов Скалли и Малдера да летающие тарелки? Видела парочку серий.

— А как вы думаете, в нашей стране имеется подобная служба? Которая занимается аналогичными мероприятиями?

— Инопланетян ищет? — хмыкнула студентка.

— Не только. Изучает все загадочное, сверхъестественное: телепатию, телекинез, экстрасенсорнику и прочая, прочая. Включая инопланетян, да.

— А все, что вы перечислили, — оно существует? Телепатия, телекинез?

— Даже в большей степени, чем вы можете себе представить. А если согласитесь работать с нами и получите допуск, узнаете все в подробностях.

— И вы предлагаете мне с этими загадочными явлениями бороться? Или их изучать?

— И то и другое. В случае необходимости — бороться. В случае возможности — изучать.

Варя на секунду задумалась. Мужик не производил впечатление сумасшедшего или шутника: «Сюрприз! Вас снимает скрытая камера!» Все выглядело более чем серьезно. И глаза у собеседника были, что называ-

ется, суровыми: так глядят всякие спецслужбисты — менты, кагэбешники, военные. Правильно давешний официант из кафе «Тривия» сказал: по взгляду чувак, что письмо передавал, на мента смахивает.

Потом, спустя пару месяцев службы, она и сама так научилась, главное — смотреть человеку не в глаза, а в точку посреди лба.

— У меня и без вас прекрасное распределение, — открестилась Варвара. — Не думаю, что вы сможете его перешибить.

— По деньгам действительно вряд ли мы кого-то сможем, как вы выражаетесь, перешибить. Но у нас есть и другие плюшки, помимо действительно *очень интересной* работы. Например, наши сотрудники имеют свободный доступ к архивам любых ведомств по всей стране. В том числе и самых засекреченных: Минобороны, ФСБ, милиции, прокуратуры.

— Ну и зачем это мне?

— Вы сможете наконец отыскать, кто и почему погубил ваших родителей.

Наконец он открылся. Значит, все, что с ней происходило в последние дни — письмо, переданное официантом, коробка с фотографиями за оградой церкви, шифровка, — все было частью игры этого человека.

— Так, значит, признаетесь? Вы это все делали! С кладбищем, коробкой, фотографиями! Проверяли меня?

Петренко изобразил полное непонимание.

— Вы о чем это?

— О письме со строчками из газеты, о разбитой автомодели среди могил!

— Не понимаю, о чем вы говорите.

Впоследствии, в каких бы прекрасных отношениях они с Петренко ни находились, он никогда ей так и не признался: все, что с ней творилось, было его игрой и ее испытанием. А она ни капли не сомневалась, что за этим стоит он (или его начальники).

Недаром церковь Успения в Вешняках расположена, как оказалось впоследствии, в двух шагах от штаб-квартиры *комиссии*. «Халтурщик Петренко, — думала она, — поленился подкинуть коробку и разбитую «Волгу» в другое, более далекое и романтическое место!»

Да, именно ради того, чтобы отыскать убийц родителей, Варвара некогда пошла служить в *комиссию*.

* * *

Место службы у Вари оказалось *легендированным*. Никто — ни бабушка, ни близкие родственники, ни тем более друзья — не должны были знать, чем она на самом деле занимается. Для всех она трудилась в компьютерной фирмочке «Ритм-21»: решала задачи, писала программы.

— Зачем такая конспирация? — спрашивала она у Петренко.

— Само существование нашей *комиссии* составляет предмет гостайны, — пожимал он плечами. — Меньше люди знают — крепче спят.

Потом выяснилось, что есть еще одно объяснение работы под прикрытием: на случай *особого периода* (сиречь войны) сотрудникам *комиссии* полагалось

действовать как диверсантам на территории *главного противника* (то есть США и стран НАТО). А для того им следовало туда инфильтроваться.

Но, как известно, офицерам российских спецслужб западники визы всегда давали неохотно. А простым программистам — пожалуйста.

Это и для службы удобно: Варя некогда американскую визу получала и ездила в невадскую пустыню, когда расследовала дело об избиении футбольного центрфорварда Сырцова. А потом в Нью-Йорк и на берега штата Массачусетс — когда за олигархом Корюкиным охотилась.

Но, несмотря на прикрытие, в самой штаб-квартире КОМКОНа Варя, конечно, бывала часто.

А вот военную форму надевала всего несколько раз — буквально на пальцах одной руки можно пересчитать. На первых порах, например, когда присягу принимала и для личного дела фотографировалась.

Форма ей шла — бравый такой, румяный лейтенант, из серии «коня на скаку остановит, в горящую избу войдет». А может, ручищей своей сожмет врага за шею и кислород ему перекроет. Или, хм, с любимым затеет игру с применением наручников.

Даже жаль, что никому нельзя те фоточки показать.

Когда она начала работать, первым делом спросила у Петренко: как подступиться к поискам виновных в смерти родителей? И почему его самого (или КОМКОН) этот инцидент, случившийся почти десять лет назад, интересует? А если такой интерес у *комиссии* имеется, почему они *сами* смерть Кононовых не расследуют?

Начальник (тогда он был не полковником, а всего лишь капитаном) ответил ей откровенно. Ну или ей показалось, что звучал его голос искренне.

— Как по мне, само по себе дело о смерти ваших родителей — загадочное и странное. Да и занимался ваш батюшка такими делами, что находились на переднем крае науки, причем не только военной.

— А над чем именно он работал?

— Знаете ли, Варвара Игоревна, — тогда они еще были на «вы», — по какому принципу *режим*, то есть секретность, организован? — ушел от прямого ответа Сергей Александрович. — Отсеков на корабле или в подводной лодке. Ты служишь в назначенном тебе месте и в курсе только тех дел, каковые надобно знать по службе. Что творится за переборкой, в соседнем помещении, не видишь и понятия не имеешь. Знаете ли, к примеру, что в ОКБ-1 у Королева Сергея Павловича в самом начале шестидесятых существовал отдел, который проектировал ни много ни мало — марсианский корабль? Но его сотрудники молчали себе в тряпочку и не болтали. Поэтому для всех это стало абсолютной новостью, когда срок секретности вышел. Вот и я тоже ни капли не осведомлен, чем конкретно ваш папенька занимался. Но я исхожу из наименования института, в котором Кононов Игорь Павлович был начальником. А открытое именование его — Институт прикладных психологических исследований Министерства обороны, сначала СССР, до девяносто первого года, а в дальнейшем — России. А какими такими прикладными психологическими исследованиями может заниматься доктор медицин-

ских наук, как ваш отец? Или кандидат меднаук, как ваша маменька? Вопросы, думаю, риторические. Кстати, закрытое название ИППИ было, как я знаю, таким: «Институт ментального программирования».

— Почему же ваша *комиссия* смерть моих родителей сама не расследовала?

— Приказа не было, — пожал плечами Петренко. — У нас в службе дисциплина военная: все по приказу.

— А сейчас почему взялись?

— Мы и не взялись. Это *вы*, Варвара Игоревна, *возьметесь*, потому что у вас имеется свой, личный интерес.

— А что с отцовским институтом стало? После гибели моих родителей?

— Вскоре после смерти вашего батюшки он был, согласно приказу министра обороны, закрыт и расформирован.

— Вот как! А его архивы?

— Уничтожены.

— Варварство какое-то... — пробормотала Варя. — Или диверсия.

— Что вы хотите! Девяностые! Тогда вон огромный проект «Буран», вместе с ракетой «Энергия», над которым вся страна трудилась, погубили, и то никто не вякнул.

— А меня к делу о смерти родителей допустят?

— У вас будет серьезное оружие: допуск всюду. К любым документам, любого уровня секретности, в любом ведомстве нашей страны. Образно говоря, вы (как и я, и другие наши сотрудники) теперь в любой отсек вхожи, и любой секретчик обязан вам постав-

лять информацию. Комиссия наша за этот допуск и осведомленность долго и небезуспешно боролась, начиная с момента создания, в самом начале шестидесятых. Поэтому вперед, Варвара Игоревна, и с песней. Но считаю своим долгом предупредить, что делом о гибели ваших родителей вы станете заниматься в свободное от непосредственных служебных обязанностей время. В порядке личной инициативы.

«Хорошо Петренко устроился! — подумалось, помнится, ей тогда. — Нашел *интересанта*, который важную (почему-то) для него тему станет разрабатывать. Да еще в свободное время».

Но потом поразмыслила и решила: «Но мне-то это нужнее и важнее, чем Петренко».

В первый же день, свободный от посещения штаб-квартиры комиссии (и обустройства фирмы-прикрытия «Ритм-21»), Варя отправилась в архив главной военной прокуратуры.

Дело было летом две тысячи первого года. Тогда она начала работать *там, где говорить нельзя*. И занималась тем, *о чем никому не рассказать*.

Петренко произвел на нее неизгладимое впечатление, поведав, чем занимается комиссия. Более всего, помнится, на нее подействовали истории о Посещениях, которые, как оказалось, и в самом деле случались.

Кто мог тогда знать, что пройдет десяток лет, и ей самой придется бороться с *чужими* в тундре посреди Яранского края!¹

¹ Об этом можно прочесть в романе Анны и Сергея Литвиновых «Аватар судьбы».

А пока она стала вести тихую жизнь канцелярской крысы.

Острый бумажный запах сотен папок в архиве. (Дело о гибели родителей было не оцифровано.) Скрипучий стул и выдавший виды стол, на котором она листала папку. Печать на лицевой стороне: ПРИ-ОСТАНОВЛЕНО.

Но вот ведь история! Сейчас, в двадцать втором году, она помнила тот стол и стул, запах бумаг, допотопные лампы дневного света над потолком... Помнила и заголовки бумаг, что присутствовали в деле: протокол осмотра места происшествия... схема ДТП... показания очевидцев... протоколы экспертиз... Но за двадцать один год напрочь выветрилось из памяти, *что* в тех документах было написано. Все детали стерлись. Осталась память лишь в самых общих чертах.

Возможно, тогда, два десятилетия назад, она мысленно зажмуривалась, не желала воспринимать то, что написано в бумагах. Это было слишком больно: все-таки речь шла не о безликих и незнакомых «потерпевших», а о любимых папочке и мамочке. И разбито в клочья оказалось не постороннее «транспортное средство», а родная «волжанка», на которой они так часто всей семьей ездили и с которой было многое связано.

Посмотреть бы эти документы сейчас, в двадцать втором! Только кто теперь ее к ним допустит!

Варя — в отставке. У нее больше нет полномочий. Не только неограниченных, как тогда у сотрудника *комиссии*, — вообще никаких.

Да и что она может сделать сейчас?

Леша пришел с работы. Щелкнул замок, хлопнула дверь. Варя вышла его встречать. Выглядел он усталым — так всегда бывало, но теперь это замечалось сильнее, чем раньше. Морщинка на лбу залегла, под глазами тени, лицо бледное.

Не так много они совместно прожили. Не больше года перед тем, как Алеша сорвался в прошлое — а Варя последовала за ним. Но в то спокойное время бок о бок сумели наработать правильные (как оба считали) принципы общежития.

Равенство в домашних делах, например. Кто раньше придет, тот и ужин быстренько варганит. А если совсем устал или неважко — пиццу заказывает или другую еду. И никто ни к кому не пристаёт с расспросами, как прошел день. Особенно с порога, к усталому человеку.

У Кононовой на службе вообще все секретное. Данилов, в свою очередь, не считал этичным о своих клиентах рассказывать.

Но теперь ситуация переменялась. Варя больше не служит. Времени свободного много, поэтому может порадовать возлюбленного вкусненьким.

В этот раз приготовила болгарское национальное блюдо «чушка берек», то есть перец, фаршированный брынзой. И, как заведено было, не бросилась к партнеру с порога с рассказами/вопросами: мол, как прошел твой день, а вот я!.. А я делала/думала то-то и то-то и так далее...

Нет, дала Алеше спокойно поужинать, прийти в себя.

Они откупорили бутылку вина — белое сухое не совсем подходило, к брынзе больше красное пристало — зато локальное, под болгарское блюдо хорошо зашел болгарский же геверттраминер. Да и потом, жара, лето — белое лучше освежает.

Лишь потом, когда разгладилась хмуринка на лбу Алеши и бледность с чела немного отступила, румянец привычный заиграл, Варя стала делиться наболевшим.

Посетовала: никак не может вспомнить то, что успела нарыть о смерти родителей в начале нулевых, когда только-только служить в *комиссию* пришла. Да и вообще, не зряшный ли труд — пытаться почти через тридцать лет после их смерти заново разыскивать возможных погубителей мамы и папы? Да и существовали ли они, те душегубы?

— Дело небесполезное, — рассудительно отозвался Данилов, — коль скоро ты взялась за него. Разве не заметила: все, что ты начинаешь, обязательно до конца доводишь? Только каким в этом случае конец будет, кто скажет! Может, и не виноват никто в их смерти, ты ведь это допускаешь? Или найдешь душегуба, а он, упс, сумел избежать земной юрисдикции и пребывает в аду, в котле варится. Тридцать лет, знаешь ли, срок немалый.

— Но я ничегошеньки не помню из того, что выяснила двадцать лет назад. Адрес, где была, представляешь, в голове остался: архив главной военной прокуратуры, переулок Хользунова, четырнадцать. Помню, как ехала туда не на машине, а на метро, до «Фрунзенской», потом пешком. Здание тоже — старый особняк

за новым желтым забором. Обложка дела прямо перед глазами стоит, а что там внутри было — ничего, как отрезало.

— Хочешь, я тебя загипнотизирую, все и вспомнишь?

— А ты и гипнотизировать умеешь?

— Спрашиваешь! А как иначе я заставил тебя со мной жить?

— Ах ты жулик! — рассмеялась она и шутейно двинула в плечо своей не самой легкой ручкой.

Он, так же играя, перехватил ее и взял на прием.

— Тише, медведь, вино расплещешь. — Она обозначила контрприем.

Кончилась эта игра, как почти во все вечера после их возвращения, в постели.

Когда они только начали встречаться, еще на первом свидании Данилов со всею серьезностью ей сказал: «Ты знаешь, кто я и какие у меня способности. Так вот, обещаю, Варя, и всеми святыми клянусь, что никогда не стану использовать свой дар против тебя. Точнее, даже так: никогда не возьмусь *читать*, рассматривать твои мысли, визнавать, что у тебя на уме. Пожалуйста, будь уверена: я никогда не буду вынюхивать, пользуясь своими умениями, про тебя что-то потаенное. Воспринимай меня так, как всех других мужчин (и женщин) вокруг. Даже если ты сама меня попросишь себя *просканировать* — откажусь. Лучше направлю на консультацию к хорошему врачу-специалисту, у меня знакомых много».

Варя ему верила — не могла не верить. Но все равно опасалась. И ей бы очень не хотелось, к примеру, чтоб